

IV. З а м ѣ т к а.

Свое Слово (философско-литературный сборникъ) проф. А. А. Козлова. Кіевъ, 1890 г., № 3 (154 стр.).

На дняхъ полученъ нами третій выпускъ изданія проф. А. А. Козлова, «Свое слово», представляющій дальнѣйшее развитіе той оригинальной философской системы, первыя основанія которой излагались въ шести «Бесѣдахъ съ Петербургскимъ Сократомъ», помѣщенныхъ въ первыхъ двухъ выпускахъ «Своего слова» (1888 и 1889 гг.). Если первыя шесть Бесѣдъ въ каждомъ интересующемся философіею читателѣ возбудили болѣе или менѣе сочувственное, но во всякомъ случаѣ очень серьезное вниманіе къ намѣчиваемому въ нихъ еще неясно, только общими чертами міровоззрѣнію,—то въ четырехъ бесѣдахъ послѣдняго выпуска очертанія этого міровоззрѣнія получаютъ уже почти полную опредѣленность, картина цѣлаго пріобрѣтаетъ живую полноту и законченность. Вмѣстѣ съ тѣмъ возрастаетъ, конечно, и интересъ къ этому оригинальному цѣлому, которое по своей глубинѣ, стройности, продуманности и силѣ выраженія напоминаетъ созданія философской мысли лучшей поры ея развитія. Въ виду этого-то интереса мы и спѣшимъ познакомить нашихъ читателей съ сущностью содержанія третьяго выпуска «Своего слова», несмотря на его слишкомъ еще недавнее, для достаточно-обстоятельной критики, появленіе на свѣтъ. Случай къ такой обстоятельной критикѣ несомнѣнно не заставитъ себя ждать,—слишкомъ жизнен-

ные вопросы и слишком живо и глубоко затронуты «Своимъ словомъ», для того, чтобы интересъ къ нему могъ скоро охладѣть, — теперь-же ограничимся лишь краткимъ сообщеніемъ. Для полной ясности его необходимо, однако, напомнить ходъ мысли автора «Бесѣдъ съ Сократомъ» въ шести «Бесѣдахъ» первыхъ двухъ выпусковъ (рецензіи на нихъ я помѣстилъ въ «Моск. Вѣд.» 7-го октября 1888 г. и въ январской книжкѣ «Русскаго Обозрѣнія» 1890 г.).

Въ первыхъ трехъ «Бесѣдахъ» А. А. Козловъ доказываетъ, въ противность скептицизму, феноменизму, позитивизму и сенсуализму, что мысль, дающая себѣ отчетъ въ томъ, что она дѣлаетъ, *не можетъ обойтись безъ метафизики*, безъ понятій истинно-сущаго, бытія, субстанціи, и—въ противность всякому явному и скрытному матеріализму,—что метафизическое начало *не можетъ быть матеріальнымъ*, но субстанція должна быть нечувственна, духовна. Съ этой точки зрѣнія и тѣло, и весь матеріальный міръ представляются только *значками*, подъ которыми скрывается дѣятельность духовныхъ субстанцій, а также связь и отношеніе ихъ другъ къ другу. Поэтому здѣсь «мертвой, безжизненной, безчувственной и бессмысленной природы совѣмъ нѣтъ, но и ничтожнѣйшее, если только оно дѣйствительно причастно бытію, все-таки родственно съ самымъ высочайшимъ, хотя и безконечно разнится отъ него въ степени». Это—міровоззрѣніе *панпсихизма*. Въ слѣдующихъ трехъ «Бесѣдахъ» второго выпуска авторъ устанавливаетъ важнѣйшее въ философіи понятіе бытія, истинно-сущаго. Элементы понятія бытія даны въ *непосредственномъ сознаниі*. «Мы имѣемъ *непосредственное и первоначальное сознание* (ясная идея Декарта) о собственной субстанціи (я), о ея различныхъ дѣятельностяхъ и содержаніи этихъ дѣятельностей. Приводя посредствомъ дѣятельности мышленія это сознание въ отношеніе и единство, мы мыслимъ *необходимость этого отношенія въ понятіи бытія*, которое и выражаетъ сознание, что я безъ дѣятельности и содержанія немислимо и есть ничто, дѣятельности безъ содержанія и безъ ихъ единства въ я немислимы и суть ничто, содержаніе безъ дѣятельностей, которыхъ оно есть объектъ немислимо и есть ничто». Такимъ образомъ бытіе есть понятіе, содержаніе котораго состоитъ въ знаніи о нашей субстанціи, ея дѣятельностяхъ и содержаніи этихъ дѣятельностей въ ихъ единствѣ и отношеніи другъ къ другу» (вып. 2-й, стр. 90 и 53).

Въ настоящемъ, третьемъ выпускѣ, А. А. Козловъ особенно подчеркиваетъ необходимость этого *отношенія* между элементами бытія (*я*, дѣятельность и содержаніе) для ихъ собственной реальности и предохраняетъ отъ отождествленія бытія какъ съ одною субстанціей, *я* (72—73), такъ и съ одною дѣятельностью (74) *). Реальны эти три элемента только во взаимномъ отношеніи.

Какъ-же относится это истинно-сущее, бытіе, состоящее въ единствѣ и взаимоотношеніи трехъ непосредственно-сознаваемыхъ элементовъ (*я*, дѣятельность и содержаніе) къ тому міру *явленій во времени и пространствѣ*, который и для наивнаго реализма и для феноменализма и для материализма представляется единственною и несомнѣнною *дѣйствительностью*? Эта феноменальная дѣйствительность дана и понимается только во времени и пространствѣ. Должно-ли и метафизическое истинно-сущее мыслиться нами во времени и пространствѣ? Иначе: имѣютъ-ли время и пространство дѣйствительность въ мірѣ истинно-сущаго, имѣютъ-ли они реальность, метафизическое значеніе? Отвѣтъ на вопросъ о реальности времени и связанный съ нимъ вопросъ о значеніи причинности и даютъ четыре «Бесѣды съ Петербургскимъ Сократомъ», составляющія существенное содержаніе третьяго выпуска «Своего слова». Отвѣтъ этотъ отрицателенъ: время не реально; оно только—идея; *истинно-сущее*,—и субстанція, и дѣятельность и содержаніе,—*вне времени*.

Что такое, въ самомъ дѣлѣ, время и можно-ли ему приписывать реальность? Вѣдь «еслибы настоящее никогда не перешло изъ будущаго въ прошедшее, тогда оно было-бы не временемъ, а вѣчностью. Но, спрашивается, въ чемъ-же заключается и какъ мы можемъ приписывать дѣйствительную сущность настоя-

*) Въ этомъ пунктѣ *главное* мое разногласіе съ А. А. Козловымъ, которое я и высказалъ въ помянутыхъ выше рецензіяхъ. Признавая необходимость метафизическаго начала, я признаю, что оно дается только въ *непосредственномъ* знаніи. Таковымъ-же я могу считать только самое сознаніе, знаніе *о себѣ* *сознающей дѣятельности*, какъ именно *о дѣятельности*, а не субстратѣ ея (субстанція А. А. Козлова,) и результатѣ, т.-е. содержаніи (объектѣ). Поэтому и истинно-сущимъ для меня является знающая о себѣ дѣятельность (сознаніе), *единство* которой—именно въ ея отнесеніи къ себѣ, *знаніи о себѣ*—независимо отъ какого-либо *вне* этой непосредственно-сознаваемой дѣятельности субстрата или объекта ея. Этого рода единство, по нашему мнѣнію достаточно отвѣчаетъ на замѣчанія А. А. Козлова на стр. 74-й 3-го вып.

зему, если основаніе его, т.-е. прошедшее, есть небытіе, да и вообще оно стремится къ небытію?» (переходя въ прошедшее). Съ этихъ вопросовъ начинается А. А. Козловъ, примыкая къ Бл. Августину, одному изъ величайшихъ отцовъ церкви и глубочайшихъ мыслителей. Бл. Августинъ выходитъ изъ затрудненія, признавъ, что прошедшее и будущее существуютъ *какъ настоящее въ нашей душѣ*. «О прошедшемъ говоримъ мы на основаніи образовъ, оставшихся въ душѣ въ видѣ слѣдовъ чувственнаго воспріятія и представляемыхъ памятью, а будущее предсказывается на основаніи образовъ, представляющихся намъ, какъ возможность, также въ настоящемъ» (11). «Собственно не существуетъ трехъ временъ и съ точностью можно говорить объ одномъ настоящемъ... Не будущее время длинно, но длинно будущее въ его ожиданіи (въ настоящемъ); равнымъ образомъ не прошедшее время, котораго нѣтъ уже, длинно, но длинно прошедшее по воспоминаніямъ о немъ» (13) (въ настоящемъ-же). Такимъ образомъ и прошедшее и будущее—только *представленія души въ настоящемъ*,—только настоящее ея *есть*. Но можно-ли о немъ сказать, что оно есть, если оно—только *переходъ* изъ прошедшаго въ будущее, только *моментъ* въ безконечномъ, непрерывномъ и равномерномъ *теченіи*, если въ теченіи этомъ, въ *отрицаніи* настоящаго, и самое существо времени?

Бл. Августинъ останавливается на признаніи, что въ виду сказаннаго время не можетъ быть само по себѣ реальнымъ и что истинно-сущее, Богъ, *вне времени*, но, творить, полагаетъ, время какъ и всё сотворенное полагаетъ во времени. А. А. Козловъ идетъ *дальше*. Реальность, равная реальности всего сотвореннаго, представляется ему для времени чрезмѣрною по его свойствамъ. Для него время есть *только идея*, т.-е. нѣчто, о чемъ онъ заявляетъ: «я-же думаю, что идеи сами по себѣ вовсе не существуютъ, и что онѣ суть только акты мыслящей дѣятельности мыслящихъ существъ» (вып. III с. 148). Время для него есть *только—мысль* и притомъ—мысль необходимая для мыслящаго существа только въ извѣстномъ фазисѣ его развитія, для распорядка своихъ знаній, — мысль, безъ которой оно обходится и на *низшей* ступени этого развитія (животныя, дѣти) и на *высшей* (божественное знаніе вне временн).

«Время», говоритъ онъ, «полагается актомъ представленія и мышленія человѣческой субстанціи» (16). «Истинный міръ, или міръ

субстанцій не зависитъ отъ времени; онъ безвремененъ по своей сущности, потому что время помимо акта мысли или представленія субстанцій не имѣетъ смысла и полагается только ими (17). Признаки времени: *безконечность*, *безконечная длительность*, *непрерывность* и *равномѣрное теченіе*, таковы, что могутъ принадлежать не дѣйствительному *самому по себѣ* времени, и не времени отвлеченному отъ вещей внѣшняго опыта или отъ нашихъ внутреннихъ состояній, а лишь—отъ актовъ *нашей умственной дѣятельности* (45). Ею свойства—суть ея свойства: такъ наприм. безконечность времени есть только выраженіе нашей готовности и способности подчинить *всякое* наше представленіе временному порядку (52—53). Первая ячейка идеи времени происходитъ отъ сравненія содержанія воспоминанія съ содержаніемъ наличнаго представленія при отнесеніи этихъ обоихъ содержаній къ одному и тому-же я и при признаніи ихъ одинаково реальными или данными въ нашей дѣйствительной дѣятельности (46). Такимъ образомъ время, въ его первой «субъективной стадіи развитія, есть форма, въ которой наше я понимаетъ, распредѣляетъ и соединяетъ въ своемъ субстанціальномъ единствѣ свои собственные акты воспоминанія, наличнаго ощущенія и ожиданія (49). Затѣмъ оно становится формою для распредѣленія во временной перспективѣ *объектовъ*, т.-е. содержанія нашихъ дѣятельностей созерцанія, мышленія и представленія въ ихъ абстрактномъ видѣ, или оторванности отъ дѣятельностей. Само по себѣ это *оторванное содержаніе представлений или понятій вполне безременно*, подобно самому представляющему субъекту (49). Время, такимъ образомъ, есть *идея* и, подобно другимъ идеямъ, безременно, т.-е. не имѣетъ никакой продолжительности (51). Не имѣютъ продолжительности и моменты: прежде, теперь, потомъ; но ихъ *порядокъ* допускаетъ приложенія къ нему *количества*, образованіе идеи *промежутковъ*. Но все это—только мысль, а не реальность. «Какъ міръ со всѣми субстанціями, изъ которыхъ онъ состоитъ, такъ и ихъ реальныя дѣятельности сами по себѣ безвременны» (52).

Безвременность *содержанія* этихъ дѣятельностей (объектовъ ихъ и продуктовъ, мыслимаго и представляемаго) совершенно очевидна. «Возьмите», говоритъ нашъ авторъ, «какой-либо одинъ часъ изъ вашей жизни и вдумайтесь въ его содержаніе, и вы увидите, что временныя промежутки, отдѣляющіе другъ отъ друга элементы этого содержанія,—промежутки въ нѣсколько минутъ,

въ одну минуту или нѣсколько секундъ,—ничего въ сущности не привносятъ къ этому содержанію въ его реальномъ значеніи. Такимъ образомъ мы можемъ мысленно уменьшать эти пустые промежутки безъ всякаго ущерба для этого содержанія (99). Полнота содержанія ничего не утратитъ, если ее всю собрать въ одинъ нераздѣльный, внѣвременный моментъ. Отъ того между отдѣльными частями содержанія не утратится и ихъ отношеніе *какъ причинъ и слѣдствій*, логическая и реальная связь ихъ и подчиненность». «Для истинной философіи», говоритъ А. А. Козловъ, «которая не можетъ ни время, ни пространство, ни движеніе считать реальными, *связь и отношеніе причины и дѣйствія* должны быть понимаемы *безвременными*. Прежде всего должно замѣтить, что для истинной философіи причина и дѣйствіе всегда *соотносительны*. Всякая причина есть не просто причина, а *причина* того или другого *эфекта*. Значитъ причина и дѣйствіе всегда даны разомъ, и причина не можетъ быть ни долгое, ни короткое, вообще никакое время безъ своего дѣйствія и, такъ сказать *ожидать* его появленія, точно также какъ никто не можетъ назваться отцомъ, не имѣя дѣтей *). Готова причина, готово и дѣйствіе; гдѣ еще нѣтъ дѣйствія, тамъ значитъ чего-либо не достааетъ, чтобы причина была причиною дѣйствія. Если мы возьмемъ въ соображеніе цѣлый міръ и если отъ каждаго даннаго дѣйствія мысленно будемъ восходить, черезъ рядъ послѣдовательныхъ причинъ, къ самымъ первымъ причинамъ, то въ каждомъ причинномъ рядѣ всѣ событія, относительно другъ друга играющія роль причинъ и дѣйствій, должны быть понимаемы какъ связанныя безвременно. Отсюда выходитъ: во первыхъ, что въ цѣломъ мірѣ нѣтъ *ни начала, ни конца*, подобно тому какъ въ кругѣ всякая точка можетъ быть взята за начало; во вторыхъ, что всѣ члены этой круговой линіи взаимно обуславливаютъ другъ друга, а потому члены, которые мы называемъ послѣдующими, точно также обуславливаютъ предыдущіе, какъ предыдущіе обуславливаютъ послѣдующіе, или, говоря въ терминахъ времени, *прошедшее и настоящее* точно такъ-же *обуславливаются будущимъ*, какъ будущее обу-

*) Напомнимъ совершенно подобное разсужденіе у Шиффа, выводящаго изъ него *матеріальность* всего совершающагося *во времени*, а слѣд. и психическихъ процессовъ. На этомъ выводѣ основана и вся общая психофизиологія А. А. Герцена.

словливается прошедшимъ и настоящимъ; въ третьихъ, что причинное разсмотрѣніе явленій и событій, господствующее въ частныхъ наукахъ, главнымъ образомъ въ естествовѣдѣніи, и въ философіи, самымъ разумнымъ и законнымъ образомъ обращается въ *телеологическое* разсмотрѣніе съ точки зрѣнія цѣли. Отсюда мы можемъ сдѣлать еще одно заключеніе, что для того безконечнаго сознанія, которое безвременно обнимаетъ всѣ времена: прошедшее, настоящее и будущее, точно также предстоятъ осуществленными и всѣ причины и всѣ цѣли всего сущаго. Но мы, при нашемъ *ограниченномъ* сознаніи, обусловленные нашимъ *мѣстомъ* во всеобщей міровой связи существъ, а потому необходимо подлежащіе перспективамъ времени, пространства, движенія и проч., должны постепенно съ тяжкимъ трудомъ и понемногу угадывать причины и цѣли всего міра, а также и составляющихъ его субстанцій, включая нашу собственную» (101—102).

Такимъ образомъ только *ограниченность* наша, обусловленная нашимъ *мѣстомъ* во всеобщей связи существъ, вынуждаетъ насъ къ образованію *понятія* времени и къ пониманію міра только во времени; для существа-же неограниченнаго—этой нашей *мысли*, о времени, не нужно. Для него нѣтъ ни теперь, ни позже, ни прежде, но весь міръ, со всѣми его событіями, данъ въ одномъ внѣвременномъ созерцаніи, какъ вмѣстѣ съ фигурою круга даны всѣ его свойства и всѣ изъ нихъ вытекающія теоремы. Самъ по себѣ, независимо отъ ограниченности нашей мысли, то-есть какъ онъ *дѣйствительно есть*, міръ и все въ немъ совершающееся — безвременны. Связь и отношеніе причины и дѣйствія безвременны, процессъ развитія также безвремененъ и одни и тѣ-же событія могутъ быть понимаемы и какъ временные моменты, и какъ фазисы развитія (87). Отъ безвременности развитіе ничего не теряетъ. Всѣ фазы и ступени его могутъ быть даны разомъ, но это нисколько не мѣшаетъ имъ отличаться другъ отъ друга какъ ступенямъ развитія (102). И Гегелевскій эволюціонизмъ, и Лейбницево ученіе о мірѣ, всѣ частицы котораго между собою развѣ навсегда гармонично связаны,—образцы такого пониманія безвременнаго развитія. Съ другой стороны, понятіе желѣзной, неизмѣнной *судьбы* есть не что иное какъ неясное сознаніе о томъ, что міръ, со всѣмъ его реальнымъ содержаніемъ, есть безвременно и неизмѣнно-готовое цѣлое» (93). Время, такимъ образомъ, есть только *мысль*, понятіе, къ истинно-сущему неприменимое и

его не опредѣляющее. И субстанціи, и дѣятельности, и содержаніе (объекты) ихъ безвременны: истинный міръ, во всѣхъ подробностяхъ его, есть «безременно и неизмѣнно готовое цѣлое».

Въ оцѣнкѣ изложеннаго хода мысли, выраженной чрезвычайно талантливо, живо, глубокомысленно и съ огромнымъ знаніемъ дѣла, не будемъ останавливаться на *послѣдствіяхъ* принятія этой мысли, на ея низбѣжныхъ *выводахъ*. Укажемъ только на два такіа послѣдствія: во первыхъ, признаніе, вмѣстѣ съ перенесеніемъ нашего міра съ его исторіей, во *всѣхъ подробностяхъ*, въ сферу *безвременнаго, истинно-сущаго*, всякой дѣйствительности этого нашего міра за *разумность*, какъ у Гегеля; вовторыхъ, — неизбѣжный въ «мірѣ, какъ безременно и неизмѣнно-готовомъ цѣломъ», детерминизмъ» какъ у Лейбница. Гораздо важнѣе, съ точки зрѣнія критики, представляются намъ двѣ погрѣшности въ самомъ *обоснованіи* этой мысли, побуждающія насъ остановиться въ вопросѣ о времени на томъ пунктѣ, на которомъ остановился Бл. Августинъ, отвергая дальнѣйшіе шаги, сдѣланные А. А. Козловымъ.

Время не есть *само по себѣ*, независимо о дѣятельности *мыслящей* субстанціи, отъ ея акта. Безконечность, дѣлимость, непрерывность теченія времени — всѣ эти его признаки взяты именно отъ свойствъ акта полагающей время мысли, мыслящей субстанціи. Все это намъ представляется несомнѣннымъ. Но значитъли это, что *полагаемое* реальнымъ актомъ реальной мыслящей субстанціи время есть только *идея*, *мысль* этой мыслящей субстанціи, не имѣющая, разъ она положена, реальности для самаго реального акта?! Пусть время только «*полагается* актомъ представленія и мышленія человѣческой субстанціи» (16). Но *какъ* оно полагается: какъ *мысль* только, или какъ реальная *раздѣльность* моментовъ этого акта, какъ его *до* и *по*, реальное значеніе раздѣльности которыхъ нисколько не измѣнится отъ *мѣрки*, которою мы измѣряемъ величину промежутковъ, разстояній между ними, — столѣтіями или секундами, — какъ прекрасно показалъ нашъ знаменитый акад. Бэръ?

Г. Козловъ утверждаетъ, что *реальный актъ* реальной *мыслящей субстанціи* полагаетъ время только какъ *мысль*, идею, за которой онъ не признаетъ существованія внѣ знанія, мышленія; я же думаю, что полагая время, реальный актъ реальной мыслящей дѣятельности имъ *самъ опредѣляется*, полагаетъ его *реально*, а

не только въ мысли, *идеально*. Что мышленіе есть дѣйствительность, реальная дѣятельность—это конечно признаеть г. Козловъ (наприм. стр. 130). Но возможна-ли дѣятельность, которая, полагая время, полагала-бы его только какъ свою мысль, а не опредѣляла себя имъ, т. е. реально? Нѣтъ, невозможно, ибо *нѣтъ дѣятельности тамъ, гдѣ ничего не полагается*, но все уже «безвременно и всецѣло готово». Всякая-же нѣчто полагающая дѣятельность *даетъ* дѣйствительность тому, что ея еще не имѣло, что еще *не было* положено. Этимъ необходимо полагается распадение моментовъ *до* и *по*, какъ столь-же реальныхъ въ своей раздѣльности и послѣдовательности (*величина* промежутка несущественна), какъ и сама полагающая нѣчто дѣятельность. Въ этомъ порядкѣ *до* и *по*, внѣ котораго нѣтъ и полагающаго что-либо акта, и котораго измѣнить нельзя, не измѣнивъ и самого реального акта, и состоитъ существо времени, а не въ зависящей отъ единицы измѣненія, величинѣ промежутка между моментами. Если *нѣтъ* реального акта внѣ этого полагаемаго имъ-же реального *порядка* своего, то порядокъ этотъ—время—есть не мысль только, но реальность; хотя конечно *мысль объ этомъ порядкѣ*, мысль о *времени* (наприм. измѣреніе его тѣмъ или другимъ масштабомъ), какъ и всякое содержаніе мысли, и идеальна, и безвременна. Этотъ вопросъ о реальности (хотя-бы и *положенной*, а не изначальной, какъ у Бл. Августина) или идеальности времени, — чрезвычайно важный вообще, приобрѣтаеть специальную важность въ томъ спорѣ, который открытъ между А. А. Козловымъ и мною, спорѣ о томъ, есть-ли «истинно-сущее» чистое сознание, *вѣдома я* *себѣ дѣятельность* (какъ утверждаю я), «или неизмѣнная субстанція, дѣятельность ея и объектъ (акциденція)», какъ утверждаетъ А. А. Козловъ. Съ особеннымъ удовольствіемъ, поэтому, воспользуюсь случаемъ возобновить настоящій вопросъ по новому поводу.

Другое затрудненіе для признанія ученія А. А. Козлова о времени, какъ только *понятіи*, необходимомъ для мыслящей дѣятельности на извѣстной ступени ея развитія, по *ограниченности* нашей субстанціи и ея *мѣсту* во всеобщей связи субстанцій, — состоитъ въ томъ, что не видно еще, какъ въ его міровоззрѣніи объясняются и эта «ограниченность» субстанцій и это ихъ «мѣсто» во всеобщей связи, — иными словами, какъ у него понимается и оправдывается самая *множественность* субстанцій? Какъ возможна у него множественность внѣ времени и пространства? Въ чемъ

онъ видитъ principium individuationis?—Отвѣта на эти вопросы должно ожидать въ слѣдующемъ выпускѣ «Своего Слова», гдѣ будетъ рѣчь о пространствѣ, движеніи, взаимодействіи субстанцій и т. п.

Въ заключеніе не могу не выразить сожалѣнія, что ограниченность мѣста и особенно времени, которымъ я располагаю, спѣша сообщить философскимъ читателямъ о новомъ выпускѣ «Своего Слова» къ сроку выхода книжки «Вопросовъ философіи и психологіи», лишаетъ меня возможности здѣсь-же остановиться на нѣкоторыхъ частяхъ разбираемаго сочиненія, заслуживающихъ особеннаго вниманія или по своимъ достоинствамъ (понятіе причинности, взглядъ на религію вообще и римскій католицизмъ), или по серіознымъ поводамъ къ серіозной критикѣ (понятіе автора объ этикѣ). Надѣюсь, что поводы поговорить о томъ и другомъ представятся мнѣ очень скоро, тѣмъ болѣе что я самъ буду выискивать ихъ, такъ какъ и читать произведенія такого мыслителя, какъ А. А. Козловъ, и обсуждать ихъ—для всякаго любящаго, подобно мнѣ, философію—составляетъ несомнѣнно истинное наслажденіе.

П. Астафьевъ.
